

Церковное краснорѣчіе и его основные законы.

Въ гомилетикѣ первый пунктъ, требующій особенно точнаго опредѣленія—понятіе о проповѣди. Отъ установленія такого или иного понятія о проповѣди зависитъ дальнѣйшее развитіе гомилетическихъ правилъ, и если въ опредѣленіи понятія о проповѣди замѣчается неполнота и неточность, то это не можетъ не отражаться невыгоднымъ образомъ на построеніи науки и на характерѣ ея руководственныхъ наставленій, а чрезъ это посредственно, если гомилетика хочетъ быть наукою вліятельною, и на самомъ характерѣ проповѣдничества,—на проповѣднической практикѣ.

Что же такое церковная проповѣдь?

Въ гомилетикѣ Амфитеатрова проповѣдь называется церковнымъ собесѣдованіемъ, и самые проповѣдники собесѣдовниками. Это слово „*собесѣдованіе*“ онъ считаетъ основнымъ словомъ для означенія церковныхъ поученій, и въ введеніи въ гомилетику, въ одномъ изъ параграфовъ, дѣлаетъ замѣчаніе, что если онъ въ своей системѣ и будетъ употреблять другія слова для наименованія церковной проповѣди, они не должны вносить инаго смысла, а будутъ значить одно и то же съ словомъ собесѣдованіе¹⁾. Такого же названія держится его преемникъ по кафедрѣ протоіерей Оаворовъ, изложившій

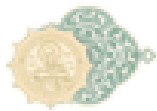
¹⁾ Чтенія о церковной словесности, или гомилетика Амфитеатрова. Ч. I.

содержаніе гомилетики своего предшественника примѣнительно къ школьному употребленію ея въ качествѣ учебника. Онъ назвалъ свою учебную книгу по гомилетикѣ „*Руководствомъ къ церковному собесѣдованію*“. Оаворовъ совершенно вѣрно говоритъ, что, „называя церковное проповѣданіе слова Божія *собесѣдованіемъ*, мы заранѣе опредѣляемъ этимъ общій отличительный характеръ церковной проповѣди, и вмѣстѣ съ тѣмъ обозначаемъ содержаніе и характеръ самой науки о проповѣдничествѣ“¹⁾.

Намъ кажется, названіе проповѣди собесѣдованіемъ не выражаетъ точно существа и характера ея и не обнимаетъ всѣхъ видовъ ея. Проповѣдь не собесѣдованіе, а рѣчь къ народу и предъ народомъ. Собесѣдованіемъ если была она, то только въ первыя времена христіанства, когда въ небольшихъ общинахъ, при собраніи вѣрующихъ, не одинъ говорилъ, при молчаливомъ вниманіи прочихъ, а многіе могли вступать въ бесѣду съ главнымъ наставникомъ-руководителемъ бесѣды, прося у него разъясненія, высказывая предъ нимъ недоумѣнія, предлагая дополненія къ сказанному другимъ, заправляющимъ бесѣдою. А нынѣ проповѣдникъ выступаетъ предъ обществомъ или своими пасомыми, какъ ораторъ, и народъ слушаетъ его рѣчь, какъ слушаютъ обыкновеннаго оратора, и никто изъ народа не прерываетъ его рѣчи и не вступаетъ съ нимъ въ бесѣду. Отсюда, по формѣ, проповѣдь подпадаетъ подъ понятіе ораторства и составляетъ видъ ораторскихъ произведеній. У насъ подъ ораторствомъ привыкли разумѣть рѣчь искусственную, отличающуюся внѣшнимъ изяществомъ изложенія. Такое пониманіе ораторства выражено и въ гомилетикѣ Оаворова²⁾. Смотри на ораторство съ такой точки зрѣнія, находятъ неудобнымъ роднить съ ораторствомъ проповѣдь, которая отличается и

¹⁾ *Руководство къ церковному собесѣдованію*, § 1, стр. 1.

²⁾ *Руководство къ церк. собесѣдованію*, § 1. Примѣчаніе.

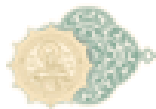
должна отличаться евангельскою простотою. Но ораторство въ существѣ самое естественное явленіе въ ряду словесныхъ произведеній, и внѣшнее изящество стиля отнюдь не главное и не отличительное его качество. Въ разрядъ ораторскихъ произведеній входятъ произведенія разнаго характера и достоинства, и сила ораторства не во внѣшней искусственности, а во внутренней энергіи и правдѣ слова, и она часто проявляется болѣе въ простомъ, чѣмъ внѣшне-искусственномъ словѣ. Но мы далѣе объяснимъ сущность и главные законы ораторства, а здѣсь дѣлаемъ предварительныя замѣчанія о немъ, чтобы устранить излишнія опасенія видѣть въ проповѣди видъ ораторства.

Переходя далѣе къ частнѣйшему опредѣленію понятія о проповѣди и указанію видоваго характера ея, отличающаго ее отъ другихъ родовъ ораторскихъ произведеній, что дается ея содержаніемъ, мы видимъ въ проповѣди рѣчь или живое свидѣтельство о нашемъ спасеніи и о средствахъ къ его достиженію, основывающееся на словѣ и повелѣніи Господа Иисуса Христа. Господь Иисусъ Христосъ совершилъ дѣло нашего искупленія; явившись въ міръ для совершенія божественнаго домостроительства о нашемъ спасеніи, Онъ принесъ падшему, погибающему, находящемуся подъ клятвою гнѣва Божія, роду человѣческому вѣсть о спасеніи. Его проповѣдь у евангелистовъ называется евангеліемъ о царствіи Божіемъ (Матѳ. IV, 23. Мр. I, 14). Онъ возвѣщалъ о наступленіи этого царствія Божія, наступленіи новаго лѣта Господня пріятнаго (Лук. IV, 19), и приглашалъ всѣхъ вступить въ это царство, гдѣ каждый изъ насъ можетъ получить не только спасеніе, но и блаженство,—блаженство вѣчное. Для вступленія въ это царство Онъ указывалъ путь покаянія (Марк. I, 15. Матѳ. IV, 17). А для достойнаго пребыванія въ этомъ царствѣ Онъ требовалъ вѣры и жизни по вѣрѣ, жизни святой, богоугодной, согласной съ волею Божіею.

Принесши вѣсть о спасеніи и проповѣдуя Евангеліе о царствіи Божіемъ, Господь повелѣлъ сначала апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ ихъ преемникамъ. неумолкаемо проповѣдывать это Евангеліе, возвѣщать о царствіи Божіемъ и объ условіяхъ вступленія въ это царство и пребыванія въ немъ, и проповѣдь наша есть не что иное, какъ продолженіе и раскрытіе евангельскаго слова Христова. Слово апостоловъ, какъ мы видимъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, было словомъ о покаяніи и спасеніи. *Покайтесь, и да креститесь кійждо васъ во имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ.... Спаситесь отъ рода строптиваго сего* (Дѣян. II, 38, 40), говорилъ апостолъ Петръ въ день Пятидесятницы, послѣ сошествія Святаго Духа на апостоловъ, при первомъ обнаруженіи Церкви Христовой, и эту проповѣдь онъ и другіе апостолы продолжали неизмѣнно во все время своего служенія (Дѣян. 111, 19—20. Дѣян. V, 30—32. XIII, 38. XVII, 30—31), во исполненіе повелѣнія Христова (Дѣян. X, 42—43. XX, 24).

Проповѣдь, какъ частная рѣчь, не обнимаетъ всего Евангелія о спасеніи и о средствахъ его приобрѣтенія. Но всегда, какого бы частнаго предмета она ни касалась, она имѣетъ или должна имѣть непосредственную связь съ этимъ главнымъ и средоточнымъ пунктомъ христіанскаго ученія. Утерявъ связь съ нимъ, она перестаетъ быть проповѣдію христіанскою.

Проповѣдь такимъ образомъ есть возвѣщеніе евангельскаго ученія о нашемъ спасеніи въ живой рѣчи предъ народомъ. Этимъ понятіемъ указываются въ проповѣди двѣ стороны, съ которыхъ она можетъ быть разсматриваема: 1) *сторона ораторская*,—какъ рѣчь къ народу, она является видомъ ораторскихъ произведеній и не можетъ не подпадать законамъ, обязательнымъ для всякаго рода ораторскихъ произведеній,—2) *сторона церковно-религіозная*, по которой она является выполненіемъ религіознаго служенія,

возложеннаго Господомъ на апостоловъ и ихъ преемниковъ,— продолженіемъ и раскрытіемъ Евангелія, возвѣщеннаго Господомъ Иисусомъ Христомъ.

Съ этихъ двухъ сторонъ мы будемъ уяснять основные гомилетическіе законы, которымъ долженъ подчиняться проповѣдникъ въ своей практикѣ.

I.

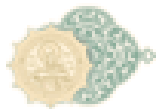
Проповѣдь, какъ видъ ораторства или краснорѣчія.

Подъ ораторскимъ краснорѣчіемъ мы разумѣемъ болѣе или менѣе сильное выраженіе нашихъ желаній, мыслей и чувствъ, въ живой рѣчи предъ собраніемъ народа, вызываемое влеченіями сердца, потребностями минуты и нуждами народа, и имѣющее въ виду благо этого народа.

Краснорѣчіе, какъ мы замѣтили выше, не есть искусственное явленіе въ ряду словесныхъ произведеній. Оно естественно является на почвѣ обыденной жизни нашей, и проявленіе его вы можете видѣть всюду. Оно имѣетъ аналогію съ обыкновеннымъ возвышеніемъ голоса нашего, въ виду какихъ либо обстоятельствъ, дѣйствующихъ на наши нервы. Положимъ, беззаботно идетъ человѣкъ по дорогѣ, не замѣчая явной опасности, ему угрожающей: желая предостеречь его, мы, возвышая голосъ, заявляемъ ему объ опасности, ему угрожающей. Или, упалъ кто въ воду, и ему грозитъ потопленіе: мы крикомъ хотимъ дать знать близъ стоящимъ объ этомъ, желая, чтобы пришли на помощь утопающему. Человѣкъ, по требованію самой природы, вынуждаетъ свое слово и свой голосъ отвѣчать каждой потребности сердца. Отъ частныхъ, единичныхъ случаевъ, нами указанныхъ, перенеситесь мыслію къ представленію болѣе широкихъ круговъ, болѣе важныхъ и значительныхъ жизненныхъ интересовъ, касающихся судьбы или счастья цѣлой массы людей, и вы

увидите, какъ изъ обыкновенной рѣчи возникаетъ рѣчь красно-рѣчивая. Вотъ отечество въ опасности, и нашимъ согражданамъ угрожаютъ большія бѣды, а они предаются полной безпечности, не думая объ опасностяхъ, висящихъ надъ ихъ головою. Вотъ невинность стѣснена и страдаетъ, а зло торжествуетъ и посмѣвается надъ страданіями невинности. Вотъ общество, наши ближніе падаютъ въ глубину нравственнаго развращенія, для нихъ гибельнаго, и требуютъ отрезвленія и возвращенія къ своему дому. Настоящее дурно, будущее страшно. Тамъ настоятельно требуется защита, въ другомъ мѣстѣ предостереженіе, наставленіе, руководство, въ третьемъ утѣшеніе и поддержка. Такія и подобныя обстоятельства зовутъ способнаго человѣка къ служенію ораторскому, къ такой рѣчи, которую мы называемъ краснорѣчіемъ. Избранный, своимъ званіемъ или стремленіемъ внутренняго чувства побуждаемый, въ нарочитыя минуты является предъ собраніемъ своихъ собратій, и съ извѣстною долею одушевленія, вызываемаго и возбуждаемаго въ немъ положеніемъ вещей, выражаетъ и раскрываетъ предъ нимъ то, что считаетъ полезнымъ или необходимымъ для него. Собраніе народа видитъ въ немъ одного изъ среды своей, близко сочувствующаго ему, прислушивается къ его слову, и ораторское слово падаетъ на почву сердецъ человѣческихъ и сопровождается болѣе или менѣе замѣтными практическими результатами. Вотъ объясненіе возникновенія того, что мы называемъ краснорѣчіемъ, и отсюда понятны существенныя свойства краснорѣчія и тѣ главныя требованія, какія долженъ выполнять ораторъ.

1) Для того, чтобы состоялось ораторское произведеніе, и обыкновенная рѣчь возвысилась до степени рѣчи краснорѣчивой, первѣе всего требуется болѣе или менѣе возбужденное состояніе духа человѣка-оратора. Это возбужденное состояніе можетъ быть вызываемо представленіемъ опасности, заблужденія, гибели лица или общества, или представленіемъ

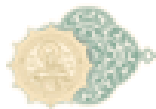
какого либо радостнаго явленія или торжества. Въ состояніи возбужденія изъ груди или устъ человѣка выливается слово болѣе сильное и энергическое, чѣмъ какое слышится при обыкновенномъ разговорѣ. Источникъ ораторства такимъ образомъ есть внутреннее *одушевленіе* человѣка.

2) Съ одушевленнымъ энергическимъ словомъ ораторъ является публично предъ народомъ, и ему сообщаетъ свои мысли, опасенія, совѣты, надежды. Отсюда *публичность* и *общественный* характеръ краснорѣчія: кабинетное разсужденіе, старающееся исчерпать полноту какого-либо частнаго предмета, и не направленное прямо къ публикѣ, какъ бы ни было хорошо составлено, никогда не будетъ краснорѣчивымъ произведеніемъ. Человѣкъ, выступающій на кафедрѣ, но замыкающійся въ кругъ своего предмета, и при этомъ опускающій изъ вниманія своихъ слушателей, и не обращающійся къ нимъ, перестаетъ быть ораторомъ.

3) Являясь предъ собраніемъ слушателей съ болѣе или менѣе одушевленнымъ словомъ, ораторъ естественно рассчитываетъ на вниманіе къ себѣ и къ предмету своей рѣчи. Онъ хочетъ и ставитъ цѣлю для себя передать этому собранію что нибудь необходимое, полезное, благотворное для него въ какомъ либо отношеніи. Отсюда живой, общественный *интересъ предмета* рѣчи краснорѣчивой. Ораторъ можетъ и долженъ говорить о томъ, что имѣетъ важное значеніе для извѣстной массы слушателей, что ихъ болѣе или менѣе занимаетъ или должно занимать, и въ чемъ они, по предположенію оратора, должны принимать непосредственное, живое участіе. О пустой, малозначительной вещи, о вещи чуждой и сторонней для народа, говорить нельзя оратору.

4) Ораторъ, выступая съ рѣчью, имѣетъ въ виду опредѣленную *цѣль*, которой хочетъ достигнуть, и къ которой своимъ словомъ старается направить своихъ слушателей. Онъ поставляетъ своимъ долгомъ произвести впечатлѣніе на слушателей, заставить ихъ принять рѣшеніе, же-

лательное ему, кажущееся ему полезнымъ или необходимымъ для слушателей, въ виду ихъ блага. Ораторство или ораторская рѣчь есть своего рода борьба. У оратора непременно есть кліентъ, котораго онъ хочетъ защитить, есть врагъ, котораго онъ хочетъ поразить. Этимъ кліентомъ и врагомъ можетъ быть не опредѣленная личность: кліентомъ оратора можетъ быть благо народа, которому онъ говоритъ слово, врагомъ—опасности, ему угрожающія, грѣхъ, влекущій его въ погибель. И врагъ и кліентъ могутъ совмѣщаться въ одномъ и томъ же человѣкѣ, при двойственности началъ, управляющихъ нашею волею, при частой смутности представлений о нашемъ существенномъ благѣ у большинства людей. Въ нашей природѣ двѣ души обыкновенно борются между собою,—одна, стремящаяся къ высшему благу, слѣдующая закону ума, боящаяся уклониться отъ требованій долга, а другая, влекущая насъ долу, чувственная, своекорыстная, повинующаяся страсти. Дѣло оратора помочь душѣ высшей въ насъ одержать побѣду надъ стремленіями низшими, чувственными, въ существѣ гибельными для насъ. Такъ понимаетъ ораторство Тереминъ, а онъ свое воззрѣніе подтверждаетъ примѣромъ двухъ образцовыхъ ораторовъ,—Димосеена и Массильйона, въ произведеніяхъ которыхъ видѣтъ идеаль ораторскаго совершенства. У нихъ каждая рѣчь—борьба, которую они вели превосходнымъ оружіемъ, съ великою силою и искусствомъ, и борьбу эту они вели съ своими слушателями, которыхъ заставляли преклоняться предъ ихъ словомъ. Не въ томъ полагали они свою задачу, чтобы раскрыть истину, а въ томъ, чтобы устранить препятствія, мѣшающія принятію этой истины, приведенію въ исполненіе такого или иного рѣшенія. Въ этомъ существенное отличіе рѣчи ораторской, съ одной стороны, отъ сочиненія ученаго, теоретическаго, а съ другой, отъ произведенія художественнаго. Въ ученомъ, теоретическомъ сочиненіи авторъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на своемъ пред-

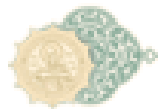
метѣ, и представляетъ обстоятельное изслѣдованіе по извѣстному вопросу, чисто объективнымъ образомъ, не отвлекаясь отъ него въ своей работѣ необходимостію приспособленія къ слушателямъ, и не задаваясь практическими цѣлями. И въ художественномъ произведеніи поэтъ выражаетъ свое чувство или рисуетъ идеалъ безъ всякой практической тенденціи; напротивъ, такая практическая тенденція, если бы она руководила поэта, повредила бы его работѣ. Чистое искусство совершенно свободно отъ практическихъ цѣлей; только низшимъ, прикладнымъ искусствамъ усвоится служеніе практической пользы чловѣка или общества.

5) Ораторство называютъ *дѣйствованіемъ въ словѣ*. Когда говоритъ ораторъ, онъ такъ же дѣйствуетъ словомъ, какъ другой дѣйствуетъ мечомъ или другимъ какимъ либо орудіемъ. Онъ является общественнымъ дѣятелемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ вовнѣ, въ среду, его окружающую, переноситъ то, что считаетъ цѣннымъ достояніемъ своего духа, и что добытъ внимательнымъ размышленіемъ; посредствомъ своего слова онъ хочетъ передать другимъ свои возрѣнія и желанія,—передать съ тѣмъ, чтобы они, бывъ усвоены другими, перешли въ жизнь и осуществились въ практической дѣйствительности. Въ виду дѣйственности ораторскаго слова, направленного къ упорядоченію практической жизни, и дающей желательное оратору направленіе. Квинтиліанъ называетъ ораторскую рѣчь царицею вещей (*Regina rerum oratio*), и говоритъ, что краснорѣчіе (конечно, въ устахъ истиннаго и благонамѣреннаго оратора), способствующее водворенію правды и счастья между людьми, „самый драгоцѣнный даръ изъ всѣхъ, какими боги наградили смертныхъ“ ¹⁾.

6) Работа оратора болѣе *сложная* и требуетъ большаго напряженія силъ, большей душевной энергіи, чѣмъ работа

¹⁾ Institutiones oratoriae, L. II, c. XVI.

ученаго мыслителя-теоретика и работа поэта. Отъ теоретическаго, ученаго произведенія требуется здравая, свѣтлая мысль; здѣсь весь трудъ возлагается на умственную силу, на разсудокъ. Твердое, болѣе или менѣе обширное, знаніе и основательное сужденіе составляютъ главное достоинство теоретическихъ сочиненій, и не представляется притязаній ни на что, кромѣ спокойнаго изслѣдованія и раскрытія предмета. Въ ораторскомъ произведеніи выполненіе этого требованія недостаточно. Здѣсь тоже нужна здравая, свѣтлая мысль; нужно и хорошее знаніе вещи, о которой говоритъ ораторъ; но этого одного мало для совершенства и надлежащаго дѣйствія ораторскаго произведенія. Здравая мысль въ ораторскомъ произведеніи не можетъ или не должна являться въ видѣ холоднаго, отвлеченнаго разсужденія. Она должна пройти чрезъ горнило сердечнаго одушевленія и согрѣта чувствомъ. Иначе она слабо подѣйствуетъ или вовсе не подѣйствуетъ на слушателей. Въ ораторскомъ произведеніи могутъ быть желательны поэтическія картины. Воображеніе призывается на служеніе оратору, чтобы прозрачнѣе и впечатлительнѣе представить истину и приблизить ее къ воспринимавшей силѣ слушателей. Но писать картины для услажденія слушателей только, допускать игру воображенія и предаваться изліянію чувства безъ всякой посторонней цѣли, какъ дѣлаетъ поэтъ,—ораторъ не можетъ. Это прямо противорѣчило бы его характеру и назначенію. Все вниманіе оратора должно быть приковано къ практической сферѣ и направлено къ тому, чтобы жизни той среды, въ которой вращается ораторъ и предъ которою является въ качествѣ руководителя, дать опредѣленное направленіе, часто такое, отъ котораго среда уклоняется. Для дѣйствованія на эту среду, для склоненія ея слѣдовать направленію, указываемому ораторомъ и кажущемуся ему болѣе правильнымъ, требуется особая энергія или напряженіе воли, устремленной къ достиженію преднамѣренной цѣли. Воля стремящаяся къ дости-

женію своей цѣли, собираетъ всѣ силы души и заставляетъ ихъ служить себѣ, чтобы совокупнымъ трудомъ ихъ произвести большее впечатлѣніе на слушателей и успѣшнѣе склонить ихъ къ принятію такого или иного рѣшенія. Такого сосредоточенія душевныхъ силъ или такой цѣлостной душевной работы нѣтъ въ другихъ родахъ словесныхъ произведеній, гдѣ, при отсутствіи практической тенденціи, является дѣйствующею или сила умственная—разсудокъ, или воображеніе и чувство.

Къ лучшему выясненію характера ораторскаго краснорѣчія и его задачи обратимся къ ученію объ этомъ предметѣ древнихъ знаменитыхъ риторовъ, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ позднѣйшихъ риторикъ.

Древніе риторы ¹⁾ указывали три обязанности оратора—*docere, delectare, movere*—учить, нравиться, трогать. Эти три слова обнимаютъ полноту ораторскаго дѣйствования, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ сложный составъ ораторскаго произведенія. *Docere* указываетъ на учительный, дидактическій элементъ, требуемый въ ораторскомъ произведеніи: это основательное сужденіе о предметѣ; усвоеніемъ и развитіемъ этого элемента ораторство соприкасается съ философіею и вообще съ прозою, преслѣдующею цѣли знанія. Обязанность *delectare* заставляетъ оратора вводить въ свои рѣчи художественный элементъ, пользоваться услугами воображенія и чувства, чтобы дѣйствовать на воображеніе и чувство слушателей: этотъ элементъ ораторство беретъ у силъ, служащихъ поэзіи, и чрезъ него оно соприкасается съ поэзіею. *Movere* указываетъ на элементъ специально ораторскій: это элементъ волевой, нравственный,—пафосъ, понимаемый въ благородномъ смыслѣ этого слова. Чтобы тронуть и увлечь слушателей,

¹⁾ F. Quintiliani Institutionum oratoriorum lib. III, c. 5. M. T. Ciceronis Orator ad Brutum, c. 21. Ex editione Oliveti Glasgae 1748. Cic. operum omnium vol. II p. 36. Cic De oratore ad Fratrem. L. II, 77.

ораторъ долженъ призвать къ дѣлу и проявить энергію души, объятый предметомъ его слова: слушатели ничѣмъ не могутъ тронуться, какъ одушевленіемъ и увлеченіемъ самого оратора, всецѣло преданнаго своему дѣлу и тому интересу, который онъ защищаешь, и къ которому хочетъ склонить другихъ.

Въ совершенномъ ораторскомъ произведеніи всѣ эти три элемента должны проявляться въ гармоническомъ единеніи. Но совершенство принадлежитъ далеко не всѣмъ произведеніямъ краснорѣчиваго слова, и не всякій ораторъ равномѣрно исполняетъ указанныя риториками обязанности, на него налагаемыя. И въ теоріи центръ тяжести одни полагаютъ въ одной обязанности, другіе въ другой, третьи въ третьей. Обыкновенный, поверхностный взглядъ краснорѣчивымъ словомъ считаетъ рѣчь, отличающуюся внѣшнею художественностію, красотою и изяществомъ стиля, внѣшними средствами обольщенія и ласканія слуха, что древніе выражали словомъ *delectare*. Слово „краснорѣчіе“, какимъ у насъ называется ораторство, и какое считается синонимическимъ слову „ораторство“, можетъ давать поводъ къ такому пониманію ораторства и можетъ служить какъ бы оправданіемъ ходячаго воззрѣнія на ораторство. Но это слово, какъ и многія техническія слова, употребительныя въ научномъ языкѣ, не выражаетъ сущности дѣла, и не указываетъ на главный и существенный признакъ, отличающій ораторство отъ другихъ родовъ словесныхъ произведеній. Плагонъ въ „*Gorgien*“ нападаетъ на такое пониманіе ораторскаго краснорѣчія, которое видитъ и цѣнитъ въ немъ одну внѣшнюю художественность слова, какъ совершенно не отвѣчающее существу дѣла, и опускающее изъ вида главное и существенное въ немъ. И Фенелонъ, въ своихъ „*Диалогахъ о краснорѣчии*“, приступая къ выясненію истинныхъ законовъ краснорѣчія и тѣхъ требованій, съ какими нужно адресоваться къ нему, первѣе всего считаетъ нужнымъ опровергнуть тотъ поверхностный взглядъ, который видитъ въ ораторѣ человека, умѣющаго

красно и изящно говорить, и только этимъ однимъ довольствуется въ немъ, на это одно обращаетъ главное вниманіе. Внѣшнія красоты, которыя такъ плѣняютъ иныхъ, по замѣчанію Фенелона,—сами въ себѣ вещь неважная. При такомъ пониманіи краснорѣчія, оно не было бы искусствомъ серьезнымъ, перестало бы быть дѣломъ, направленнымъ къ практическимъ цѣлямъ, какимъ должно быть, а служило бы только для одного удовольствія, для забавы и ласканія слуха слушателей ¹⁾. Такое одностороннее и поверхностное пониманіе краснорѣчія далѣе было поводомъ къ пренебрежительнымъ сужденіямъ о немъ, какія высказывали не рѣдко и люди авторитетные, какъ напримѣръ Кантъ въ своей „Критикѣ силы сужденія“ ²⁾.

Другіе,—и такихъ очень много, даже въ ряду представителей науки о краснорѣчіи,—Цидеронъ, блаж. Августинъ,—главною обязанностію оратора считаютъ учить—docere, а другія обязанности считаютъ побочными и второстепенными. Но по нашему мнѣнію, не тутъ центръ тяжести въ краснорѣчіи. Конечно, здравыя мысли, чистое ученіе, хорошее сужденіе—вещь важная въ ораторствѣ. Совершенно вѣрно, что если ты хочешь расположить людей дѣлать что либо, ты долженъ напередъ хорошо раскрыть то, къ чему ты располагаешь. Иначе какъ они могутъ дѣлать то, чего не знаютъ ³⁾?. Но этимъ можетъ отличаться и философское разсужденіе, сухое прозаическое теоретическое сочиненіе, и это одно не составитъ краснорѣчія, не доставитъ славы оратору. „Худая похвала оратору (говоритъ Жиберъ ⁴⁾), если скажутъ,

¹⁾ Dialogues sur l'éloquence en general, et sur celle de la chaire en particulier. Dial. I. Oeuvres de Fenelon, t. X, p. 169—212. См. еще Lettre, écrite à l'Académie Française, sur l'éloquence, la poésie etc. t. X. p. 329—337.

²⁾ Immanuel Kant's Kritik der Urtheilskraft. Berlin. 1869, s. 166—7. 193—195

³⁾ Христіанская наука блаж. Августина, кн. IV, гл. XXVIII.

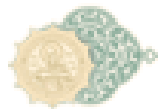
⁴⁾ L'éloquence chrétienne dans l'idée et dans la pratique, par le p. B. Gissbert chap. V, 21, p. 75.

что его рѣчь умное произведеніе. Такіе ораторы, которые только учатъ и хорошо рассуждаютъ, обыкновенно не производятъ впечатлѣнія на слушателей“.

Очевидно, для полноты ораторскаго совершенства требуется нѣчто большее простаго, хотя бы и виолнѣ основательнаго, ученія,—требуется тотъ элементъ, на который древніе ритеры указывали словомъ *movere*, и въ этомъ элементѣ главное условіе успѣха оратора. Истиннымъ, наиболѣе вліятельнымъ ораторомъ можетъ быть только тотъ, кто своимъ словомъ можетъ тронуть своихъ слушателей и подѣйствовать на ихъ волю. Платонъ (въ Горгіѣ) замѣчаетъ, что ораторская рѣчь настолько краснорѣчива, насколько душу слушателя приводитъ въ движеніе. Самъ Цицеронъ, считающій первую обязанностію оратора учить, въ сочиненіи „Брутъ или о славныхъ ораторахъ“ говоритъ: „Кто не признаетъ, что изъ всѣхъ достоинствъ оратора самое большее достоинство—способность воспламенять душу слушателей и склонять ихъ къ тому, чего требуетъ дѣло, и что кто не имѣетъ этой способности, тому недостаетъ главнаго въ ораторствѣ ¹⁾“.

Въ древнихъ риторикахъ былъ особый трактатъ о страстяхъ (*de affectibus*). Ему дано было мѣсто въ наукѣ о краснорѣчій потому, что отъ оратора ожидалось и требовалось не простое, хотя бы умное, слово, но слово, проникнутое страстію. Страсть, какъ условіе и источникъ краснорѣчія, означаетъ здѣсь возбужденіе души человѣка-оратора, производимое сознаніемъ и чувствомъ важности того предмета, которому онъ посвящаетъ свое слово, и представленіемъ значенія и высоты той цѣли, которой онъ стремится достигнуть. При этомъ возбужденіи человѣкъ-ораторъ выходитъ изъ обыкновеннаго холоднаго прозаическаго состоянія, и говоритъ съ большею или

¹⁾ Brutus, sive de claris oratoribus, c. LXXX, p. 279. Operum Ciceronis tomus secundus, Parisiis, 1768, p. 485—6.

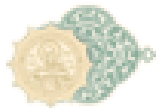

меньшею силою и одушевленіемъ. Для означенія такого возбужденнаго состоянія оратора есть техническое слово, взятое изъ греческаго языка,—*паѳосъ* (πάθος) и *рѣчь*, произнесенная въ такомъ состояніи,—патетикою или *рѣчью* патетическою. Всѣ признають значеніе патетики въ ораторскихъ произведеніяхъ, но многіе назначаютъ ей узкія границы, указывая на то, чтобы къ патетикѣ или страстному возбужденному слову ораторъ прибѣгалъ въ частныхъ мѣстахъ своей рѣчи, и представляя патетику такимъ элементомъ, который хотя допустимъ и даже необходимъ въ ораторствѣ, но не можетъ и не долженъ простираться на всю широту рѣчи. Но намъ кажется болѣе справедливымъ въ риторическомъ смыслѣ подъ этою патетикою разумѣть не отдѣльныя, наиболѣе краснорѣчивыя и сильныя мѣста ораторскаго произведенія, а общій подъемъ духа, при которомъ ораторъ говорить съ особенною силою и убѣдительностію. Мы имѣемъ въ виду источникъ, изъ котораго, такъ сказать, ключемъ бьетъ живое, одушевленное, ораторское слово. А такъ называемыя патетическія мѣста въ рѣчи служатъ частичнымъ проявленіемъ его, и если они стоятъ отрывочно, безъ связи съ цѣлымъ и являются искусственною приставкою или прикраскою въ рѣчи, то они теряють свое достоинство.

Мы не одиноки въ такомъ пониманіи ораторской патетики. Такое пониманіе патетики ораторской встрѣчается у авторитетныхъ представителей науки о краснорѣчьи. Съ особенною рельефностію развито и выражено оно у Теремина въ его сочиненіи *„Краснорѣчіе—добродѣтель, или основныя черты систематической риторики“*. По его толкованію, *паѳосъ* долженъ быть неотлучною принадлежностію оратора во все продолженіе его рѣчи: это слово характеризуетъ то состояніе, въ какомъ долженъ находиться ораторъ. Разъясняя свою мысль, Тереминъ называетъ это состояніе состояніемъ не страсти, но аффекта, и аффектъ отличаетъ отъ страсти. Ораторъ, по его словамъ, долженъ возбуждать аффекты,

но не страсти, и самъ долженъ быть въ состояніи аффекта. Состояніе души въ страсти возбуждается внѣшнимъ предметомъ или представленіемъ о немъ, и есть состояніе неспокойное и удручающее, и оно скоро проходитъ. Но состояніе аффекта совершенно иное. Душа въ немъ возбуждается не внѣшнимъ предметомъ, а идеею, и разумъ здѣсь не подавляется внѣшнимъ впечатлѣніемъ, а сохраняетъ свою энергію и обнаруживаетъ свою дѣтельность. Душа, проникнутая идеею, не можетъ оставаться холодною, какъ при отвлеченныхъ представленіяхъ; идея обнимаетъ всѣ силы души и приводитъ ихъ въ движеніе,—возбуждаетъ къ дѣятельности въ опредѣленномъ направленіи, и изъ соединеннаго дѣйствія всѣхъ силъ, изъ напряженія, обнаруживаемаго ими при этомъ, происходитъ состояніе, отличающееся высшею степенью теплоты и жизненности; это и есть состояніе аффекта. Въ аффектѣ всѣ силы и всѣ ощущенія сердца сливаются въ полномъ согласіи съ разумомъ; это самое счастливое состояніе, къ какому можетъ возвышаться человекъ. Въ немъ нравственная природа человека проявляется во всемъ своемъ блескѣ, въ своемъ высшемъ достоинствѣ. И оно не проходитъ такъ скоро, какъ страсть; потому что идея, его производящая, не отвѣтъ приходитъ въ душу и не исчезаетъ вмѣстѣ съ возбужденіемъ; оно лежитъ въ душѣ человека и составляетъ ея неизмѣнное достояніе. Если эта идея нравственная, то она вѣчно существуетъ, и свойство долговѣчности она сообщаетъ аффекту, ее сопровождающему.

Признавая аффектъ за нѣчто прекрасное, Тереминъ требуетъ, чтобы ораторъ говорилъ непремѣнно съ аффектомъ. Онъ является предъ собраніемъ для того, чтобы сообщить ему идею, которою самъ одушевленъ, и эта идея, если она дѣйствительно есть въ немъ, должна сопровождаться аффектомъ. Если нѣтъ у оратора аффекта, то, значитъ, онъ не одушевленъ никакою идеею. Тогда онъ говоритъ или по нуждѣ, какъ наемникъ, или съ холодною суетностію, какъ

краснобай, или наконецъ съ коварною цѣлю, какъ обольститель народа. Такого оратора слушатель не будетъ уважать, и такому оратору онъ не откроетъ своего сердца ¹⁾).

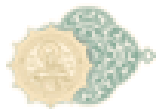
Итакъ много обязанностей долженъ выполнить ораторъ, и многими достоинствами должна отличаться истинно-ораторская рѣчь. Нельзя не придавать значенія внѣшнему изяществу или художественному элементу въ ораторствѣ, и ораторъ можетъ губить свое дѣло, то есть, можетъ не достигать своей цѣли, если является предъ собраніемъ съ словомъ вялымъ и небрежнымъ, съ дикцією сонливою и невыработанною. Пусть каждый ораторъ старается овладѣть внѣшнимъ искусствомъ изящнаго слова. Но этого мало; это одно не доставитъ ему славы; это, можно сказать, низшая степень ораторскаго достоинства. Больше значенія имѣетъ и на разумныхъ людей сильнѣе дѣйствуетъ содержаніе рѣчи, то есть, тѣ мысли и доказательства, какія приводитъ и раскрываетъ ораторъ, чтобы привести своихъ слушателей къ признанію истины, имъ возвѣщаемой, и къ полному согласію и единенію съ собою во взглядѣ на предметъ, его интересующій и имъ обсуждаемый. Каждая хорошая ораторская рѣчь должна быть рѣчью умною, сильною и вѣрною по мысли и содержательною. Но этимъ дѣло оратора не исчерпывается и не кончается, и не здѣсь послѣдняя ступень ораторскаго совершенства, не здѣсь секретъ, овладѣвъ которымъ ораторъ можетъ проявлять побѣждающую силу слова. Высшую силу даетъ оратору напряженіе воли или всей души его, которое проявляется въ одушевленіи, въ паѳосѣ. У оратора, который говоритъ съ силою и убѣжденіемъ, вся духовная организація находится въ состояніи возбужденія, и въ этомъ возбужденномъ состояніи онъ весь проникается тѣмъ предметомъ, ка-

¹⁾ См. нашу книгу. „Изъ исторіи гомилетики. Гомилетика въ новое время, послѣ реформаціи Лютера. стр. 424–325. Die Beredsamkeit eine Tugend oder Grundlinien einer systematischen Rhetorik. Fr. Theremin. Gota, 1888, s.

кой хочет передать слушателямъ, воспринимаетъ его всею полнотою своего существа, и при этомъ стремительно направляетъ свое слово къ цѣли, имъ предположенной, желая, чтобы народъ, его слушающій, усвоилъ не только умомъ, но и сердцемъ то дѣло, какое онъ ему представляетъ, и совѣтъ или рѣшеніе, имъ рекомендуемое перевелъ въ практику, осуществилъ дѣломъ.

Одушевленіе или паѳосъ, составляющій главное условіе успѣшнаго ораторскаго дѣйствованія, нужно отличать отъ паѳоса напускнаго. Истинный паѳосъ возникаетъ изъ глубины души и есть выраженіе возбужденнаго состоянія всего духовнаго существа оратора. А напускной или фальшивый паѳосъ не имѣетъ корня въ душѣ, и является тогда, когда нѣтъ внутренняго одушевленія у оратора. Онъ никогда не можетъ замѣнить истиннаго глубокаго одушевленія оратора, и не можетъ скрыть отъ большинства слушателей отсутствія того огня благородной страсти, который придаетъ теплоту и силу истинно-ораторской рѣчи. Онъ проявляется шумихою словъ и искусственною напыщенною декламаціею. Это маска или личина, которую надѣваетъ на себя человѣкъ, выступающій въ роли оратора, но не имѣющій истиннаго ораторскаго духа. Старающіеся прикрыть этою личиною внутреннюю пустоту свою тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что они сознаютъ и чувствуютъ, гдѣ главный секретъ успѣшной ораторской дѣятельности, именно во внутреннемъ одушевленіи оратора, отсутствіе котораго они думаютъ замѣнить искусственными прикрасами. Зоркій глазъ слушателя не можетъ не замѣнить этихъ искусственныхъ прикрасъ, и такого оратора большею частію ожидаетъ провалъ у слушателей и собственное разочарованіе въ томъ дѣйстви на нихъ, на какое онъ рассчитывалъ.

Но не всякое и истинное одушевленіе равноцѣнно предъ строгимъ судомъ критики, и не всякое одинаково можетъ дѣйствовать на слушателей и создавать славу и авторитетъ

оратора. Истинное глубокое одушевленіе можетъ быть возбуждаемо предметомъ высокой важности и можетъ поддерживаться въ душѣ неослабно, когда онъ видитъ предъ собою многозначительную цѣль, которую находитъ нужнымъ преслѣдовать. Нравственная идея,—идея блага, понимаемаго въ лучшемъ смыслѣ этого слова, должна лежать въ основаніи ораторскаго одушевленія, и ею ораторъ долженъ руководиться въ своемъ служеніи. Что необходимо нужно для народа или для опредѣленнаго круга слушателей оратора, что полезно и спасительно для него, безъ чего ему угрожаютъ опасности, лишенія и страданія,—только въ томъ онъ долженъ находить источникъ своихъ вдохновеній, только то онъ долженъ предлагать народу, только это одно можетъ придавать значеніе ему и его слову въ глазахъ и на судъ исторіи.

Главное дѣло оратора—убѣждать, но не просто убѣждать въ чемъ либо, а убѣждать къ совершенію дѣла важнаго и спасительнаго, склонять слушателей къ исправленію, къ отвращенію какой либо опасности или какого либо вреднаго предпріятія, къ усиленному старанію овладѣть благомъ, какого нѣтъ у общества, стоящаго предъ глазами оратора, и сохранить благо, могущее ускользнуть отъ него. Это одно изъ главныхъ условій истиннаго ораторства, по признанію лучшихъ представителей науки о краснорѣчьи. Квинтиліанъ порицаетъ Аристотеля за то, что онъ цѣлю риторики ставитъ то, чтобы она научила оратора приводить слушателей къ тому, чего онъ хочетъ. Этого мало, замѣчаетъ онъ. И блудники, и ласкатели и развратители могутъ дѣлать это. Но можно ли ихъ хвалить за это? И могутъ ли они быть истинными ораторами? Краснорѣчіе, по его представленію¹⁾, болѣе благочестиво и нравственно, чѣмъ истинно. Краснорѣчіе искусство не просто убѣждать въ чемъ бы то ни было, а говорить съ силою для убѣжденія въ томъ, что честно, или что должно

¹⁾ Institutiones oratoriae, 11, с. XVI.

быть (*quod honestum est, sive quod oporteat*). И Платонъ, въ *Gorgiâ*, указываетъ два рода ораторовъ, ораторовъ истинныхъ и ораторовъ фальшивыхъ. „Одни,—истинные ораторы,—что ни говорятъ, говорятъ по благоопечительности о народѣ, а другіе (фальшивые) ораторы не имѣютъ въ виду этого. Этого рода ораторство не заслуживаетъ имени краснорѣчія, и есть ласкательство и постыдное краснобайство, а другой родъ ораторства—дѣло прекрасное, направляющееся къ тому, чтобы души гражданъ сдѣлать наилучшими: это усиліе говорить о вещахъ наилучшихъ, пріятно ли то будетъ слушателямъ, или непріятно. Истинный ораторъ всегда долженъ имѣть въ виду, чтобы въ душахъ его согражданъ жила справедливость, а неправда была изгоняема, жила разсудительность, а безразсудность и необузданность была оставляема,—жила и всякая другая добродѣтель, а зло удалялось“ ¹⁾).

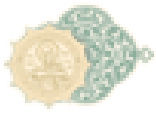
Добродѣтель или доброе нравственное направленіе многими риториками ставилось непремѣннымъ требованіемъ, отъ исполненія котораго зависить плодотворное ораторское служеніе. Цицеронъ, опредѣляя качества оратора, говоритъ, что онъ долженъ быть *vir bonus, dicendi peritus* ²⁾). Квинтиліанъ замѣчаетъ ³⁾), что не напрасно этотъ знаменитый ораторъ требованіе добраго направленія отъ оратора поставилъ на первомъ мѣстѣ, а требованіе умѣнья говорить или искусства рѣчи на второмъ; этимъ онъ хотѣлъ выразить то, что первое,—нравственное,—требованіе важнѣе второго. Квинтиліанъ еще рѣшительнѣе выражаетъ это требованіе, говоря: „*Nemo orator nisi vir bonus* ⁴⁾). То есть, по этому опредѣленію только добрый или нравственный человѣкъ можетъ быть ораторомъ.

¹⁾ *Gorgias*, 502—504 Сочиненія Платона, переведенныя Карповымъ, ч 11, стр. 328—329 331.

²⁾ M. Tullii Ciceronis *Rhetoricorum* sev *de inventione rhetorica* liber I, c. I.

³⁾ *Institutiones oratoriae* L. XII, c. I.

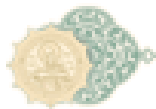
⁴⁾ *Fabii Quintiliani Institutiones oratoriae* L. I. Prooemium 9 et lib. II, c. XVI.

ромъ. Требованіе добраго нравственнаго направленія отъ оратора риторика, основательно излагаемая, включаетъ въ число основныхъ своихъ правилъ потому, что считаетъ необходимымъ указать оратору на его высокое служеніе и предостеречь человѣка, выступающаго на ораторскую кафедру, отъ увлеченія низменными или фальшивыми идеями и отъ стремленія его къ цѣлямъ недостойнымъ. Человѣкъ, не отличающійся добрымъ нравственнымъ направленіемъ, на кафедрѣ оратора можетъ явиться пустымъ ласкателемъ, по своей недоброкачественности или по подкупу можетъ служить низкимъ цѣлямъ и быть проводникомъ идей фальшивыхъ или вредныхъ для блага народа, или несогласныхъ съ законами высшей правды. Но это можетъ быть только униженіемъ высокаго дѣла краснорѣчія и измѣною ему. Если такой ораторъ иногда имѣетъ минутный успѣхъ, зато никогда не можетъ создать себѣ исторической славы и пріобрѣсть твердый авторитетъ и уваженіе у народа. А человѣкъ высокаго нравственнаго духа никогда не будетъ служителемъ неправды и проводникомъ нечистаго дѣла, никогда не будетъ воодушевляться какимъ либо пустымъ или неправымъ предметомъ, и не будетъ по напрасну тратить свою энергію и склонять своихъ слушателей къ дѣлу сомнительнаго достоинства. Его можетъ занимать и возбуждать только высокое благо народа; онъ выступить или въ защиту попираемой правды или для указанія народу или обществу того, что нужно и необходимо для его спасенія и благосостоянія.

Ставя первымъ условіемъ ораторскаго успѣха глубокое и искреннее одушевленіе оратора въ виду высокой цѣли, имъ указываемой народу, не входимъ ли мы въ противорѣчіе съ тѣми авторитетами, которые считаются первыми и высшими представителями краснорѣчія, и которыхъ сужденія объ этомъ искусствѣ должны имѣть особенный вѣсъ и значеніе въ глазахъ всѣхъ, интересующихся этимъ дѣломъ? Димосоевъ, этотъ знаменитѣйшій ораторъ древняго міра, побѣждавшій

сердца своихъ слушателей силою своего одушевленнаго слова, выливавшагося изъ души, глубоко убѣжденной и преданной защищаемому имъ дѣлу, отнюдь не умалялъ значенія внѣшней художественности въ ораторствѣ; напротивъ, какъ будто ей придавалъ здѣсь первенствующее значеніе. Извѣстно, что, когда его спросили, что онъ считаетъ самымъ главнымъ въ ораторствѣ, онъ отвѣчалъ: произношеніе; а что потомъ? онъ повторилъ: произношеніе, а что еще? опять онъ сказалъ: произношеніе. Произношеніе одна частная сторона во внѣшней ораторской дѣятельности, но Димосеенъ какъ будто въ ней только видитъ главную силу, дающую успѣхъ ораторскому слову. И исторія говоритъ намъ, что онъ употреблялъ неимоверныя усилія, чтобы овладѣть этою силою. Онъ имѣлъ много недостатковъ, препятствовавшихъ ему овладѣть совершенствомъ произношенія; но настойчивыми усиліями онъ успѣлъ освободиться отъ этихъ недостатковъ. Онъ былъ коротавъ и не могъ выговаривать буквы *p*; этотъ недостатокъ онъ исправилъ, кладя подъ языкъ камешки и такимъ образомъ произнося трудныя слова. Онъ имѣлъ прерывистое дыханіе и не могъ отъ того держать плавной рѣчи; чтобы исправить этотъ недостатокъ, онъ, восходя на гору, произносилъ длинные стихи однимъ голосомъ, безъ отдохновенія. Чтобы укрѣпить и усилить свой голосъ, онъ выходилъ на берегъ моря и декламировалъ, когда оно бушевало. Было у него подергиваніе плечъ: чтобы освободиться отъ этого недостатка, онъ говорилъ, стоя на узкой каѳедрѣ, вѣшая надъ собою острое копье, которое причиняло бы ему рану, если бы онъ сдѣлалъ неосторожное движеніе. Конечно, такія усилія надъ собою дѣлалъ Димосеенъ, въ сознаніи той важности, какую въ ораторствѣ имѣетъ хорошее произношеніе. И другой знаменитый, христіанскій, ораторъ тоже выставляетъ особенное значеніе хорошаго произношенія для успѣха рѣчи, хотя не съ такою силою, какъ Димосеенъ. Мы имѣемъ въ виду одного изъ лучшихъ проповѣдниковъ Франціи вѣка

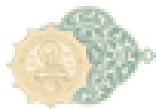
Людовика XIV, Бурдалу. Когда его спросили, какая изъ его проповѣдей болѣе всего ему нравится, онъ отвѣчалъ: та, которую я лучше всѣхъ выучилъ наизусть; потому что я лучше другихъ произнесъ ее.

Но выставляя важное значеніе произношенія въ дѣлѣ ораторства, Димосеентъ и другіе тѣмъ самымъ не устраняютъ необходимости выполненія другихъ требованій краснорѣчія. Само собою предполагается при этомъ, что существенныя требованія краснорѣчія выполнены ораторомъ; иначе онъ не могъ бы являться ораторомъ. Но смыслъ указанія Димосеена, равно какъ и Бурдалу, на значеніе произношенія, тотъ, что дѣло оратора, и выполнившаго другія условія его служенія, можетъ пропасть и не увѣнчаться успѣхомъ, если онъ дурно произнесетъ свою рѣчь. Димосеентъ не могъ предполагать, чтобы рѣчь, плохо составленная и обдуманная, и притомъ направленная не къ доброй цѣли, могла имѣть успѣхъ у слушателей, при одномъ хорошемъ произношеніи ея. Какой либо обольститель, склоняющій людей къ дурному, нечестному и гибельному, дѣлу, ужели бы заслужилъ одобреніе у Димосеена и у другихъ людей, здраво смотрящихъ на вещи, за то только, что съумѣлъ хорошо произнести свою рѣчь? Конецъ вѣнчаетъ дѣло,—говоритъ пословица. Но онъ можетъ вѣнчать только дѣло доброе, и хорошо налаженное. А если нѣтъ этого добраго, хорошо поставленнаго дѣла, надъ чѣмъ ставить вѣнецъ? Съ другой стороны, произношеніе, вѣнчающее и заканчивающее дѣло оратора, стоитъ въ прямой зависимости отъ его одушевленія. Одушевленіе, волнующее и возбуждающее оратора, не можетъ не отражаться на его произношеніи: оно придаетъ ему силу и выразительность. Когда сильно возбужденъ чѣмъ либо человѣкъ-ораторъ, тогда онъ не будетъ говорить о своемъ дѣлѣ вяло и холодно: огонь одушевленія, изъ тайниковъ души его, проторгнется наружу и проявится въ живомъ, энергическомъ произношеніи. А когда нѣтъ одушевленія и возбужденія въ душѣ

оратора,—его произношеніе можетъ не имѣть недостатковъ, можетъ быть исправнымъ съ внѣшней стороны, но при всей видимой исправности въ немъ едва ли можетъ быть такая энергія, живость и выразительность, какая можетъ придавать слову побѣждающую силу, и какая является плодомъ внутренняго возбужденнаго состоянія чловѣка.

Намъ могутъ сдѣлать другое возраженіе противъ нашего положенія о признаніи одушевленія первымъ и самымъ важнымъ условіемъ успѣшнаго ораторства. Это одушевленіе вещь трудная: не у всякаго, и не во всякое время, можетъ быть оно; имъ овладѣть и его почувствовать въ себѣ для многихъ гораздо труднѣе, чѣмъ овладѣть искусствомъ слова. Искусству слова можно научиться, можно пріобрѣсть его усиленнымъ трудомъ и практикою. А одушевленію кто научить, и гдѣ его взять, когда его нѣтъ въ душѣ? Ужели же чловѣкъ, когда не будетъ чувствовать одушевленія и не будетъ въ состояніи аффекта, не можетъ и не долженъ выступать на кафедру оратора? Если это такъ, то не стѣснимъ ли мы доступа на ораторскую кафедру многимъ, готовымъ посвятить себя краснорѣчію, и даже призываемымъ къ тому своимъ общественнымъ положеніемъ?

Какъ бы ни казалось высокимъ и не для всякаго удобоисполнимымъ указываемое нами требованіе, мы должны настаивать на немъ по самому существу дѣла. Когда начертываются законы правильной дѣятельности въ какой бы то ни было области, пѣется въ виду чистый идеалъ, съ которымъ должны сообразоваться, и къ которому должны приближаться частные дѣятели. Если бы мы устраняли или опускали изъ вида высокія требованія идеала, въ виду ограниченности чловѣческихъ способностей и въ виду частыхъ уклоненій отъ нихъ въ практической дѣятельности, то мы погрѣшили бы противъ истины и вмѣстѣ содѣйствовали бы пониженію или искаженію искусства, допуская или узаконяя то, что является отступленіемъ отъ закона или нарушеніемъ его.

Пусть ораторъ является такимъ, какимъ долженъ быть, и пусть прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы возвыситься надъ тою ограниченностію и надъ тѣмъ низменнымъ бездушіемъ, съ какимъ являются люди не призванные на кафедру оратора. Если выступаешь ораторствовать, говори по-ораторски,—отъ сердца и съ одушевленіемъ. А нѣтъ одушевленія, не выливается слово прочувствованное, согрѣтое теплою сердечною,—не являйся на кафедру и не имѣй притязанія на титул оратора. У Гёте въ Фаустѣ, Вагнеръ проситъ Фауста научить его, какъ дѣйствовать на мнѣнія, то есть, къ какимъ средствамъ нужно обращаться, чтобы склонять людей къ принятію извѣстнаго рѣшенія и говорить имъ съ полною убѣдительностію. и Гете влагаетъ въ уста Фауста такой, и единственный, совѣтъ ораторамъ: „глубоко прочувствуй то, о чемъ ты хочешь говорить, и никогда не берись говорить о томъ, что не прочувствовано тобою. Если слово не выходитъ изъ души, то оно, при всей своей пріятности, не побѣдитъ сердца слушателей: оно слово праздное“. Эту же мысль подтверждаетъ древнее латинское изреченіе, часто приводимое риторамъ: *Pectus est, quod disertos facit*¹⁾, то есть, сердце дѣлаетъ людей краснорѣчивыми.

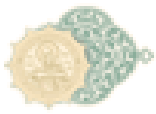
Кто же послѣ этого можетъ быть ораторомъ? Всякій человѣкъ съ живою душою, способною чувствовать добро и носящею въ себѣ горячее желаніе содѣйствовать благу своихъ собратій, особенно въ виду опасностей, имъ угрожающихъ; всякій человѣкъ, у котораго есть быющеее сердце и огонь въ груди, и который носитъ въ себѣ высокіе идеалы, и во имя этихъ идеаловъ чутко отзывается на все, что трогаетъ и интересуется близкихъ къ нему и окружающихъ его. Но пусть далеко стоитъ отъ кафедры оратора и не восходитъ на нее вялая, тепло-хладная душа, которая холодно и равнодушно относится къ самымъ священнѣйшимъ интересамъ,

¹⁾ Quintiliani Institutionis oratoriae, L. X. cap. VII, 15.

и въ которой убѣжденіе не можетъ пустить глубокихъ корней, и ничто не вызываетъ горячаго одушевленія. Такой человѣкъ, пожалуй, многое можетъ знать и обильно говорить о разныхъ предметахъ. Но рѣчь его никогда не достигнетъ высоты ораторскаго слова; она будетъ какъ мѣдъ звенящая, безъ силы, безъ выразительности, и мало можетъ дѣйствовать на души другихъ. Понятно послѣ сего, чего мы первѣе всего требуемъ отъ оратора. Въ нашей богозданной душѣ положена божественная искра, сродная всему доброму, высокому и священному. Тлѣющая въ глубинѣ нашего существа, она должна разгораться пламенемъ, при внѣшнемъ возбужденіи, на нее дѣйствующемъ. Если въ васъ воспламенится эта божественная искра, отъ васъ, безъ особенныхъ усилій, выйдетъ сильное и одушевленное слово, могущее побуждать умы и сердца слушателей. При сродствѣ душъ человѣческихъ огонь одушевленія, овладѣвшій душою оратора, чрезъ его теплое слово перейдетъ къ слушателямъ и въ нихъ, незамѣтно для нихъ самихъ, воспламенитъ сокрытую въ нихъ искру,—приведетъ ихъ въ состояніе, отвѣчающее состоянію оратора.

Примѣнимъ эти основные законы краснорѣчія къ проповѣди, какъ виду ораторскихъ произведеній, руководствуясь указаніями авторитетныхъ мужей, излагавшихъ правила касательно церковнаго краснорѣчія, и требованія, какія можно предъявить проповѣди и проповѣдникамъ съ ораторской точки зрѣнія, могутъ быть выражены въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Внѣшняя художественность слова, въ которой поверхностный взглядъ готовъ видѣть первое и главное условіе краснорѣчія, отнюдь не должна стоять у проповѣдника на первомъ планѣ, и не о ней онъ долженъ первѣе всего заботиться. Правда, внѣшнее приличіе въ словѣ и проповѣдническомъ дѣйствованіи не должно быть имъ пренебрегаемо, и изящное, обработанное слово можетъ усилить дѣйственность

проповѣди; блаженный Августинъ въ своей *Христіанской наукѣ* выражаетъ желаніе, чтобы проповѣдникъ говорилъ не только мудро, но и краснорѣчиво; „ибо нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что соединеніе того и другого принесетъ болѣе пользы... Что лучше сладости, когда она въ то же время и спасительна, и спасительности, которая вмѣстѣ и сладка? Ибо въ такомъ случаѣ чѣмъ вождельнѣе сладость, тѣмъ скорѣе и легче спасительность приноситъ пользу“ ¹⁾. Но внѣшнее приличіе не цѣль для проповѣдника-оратора, а только средство, способствующее достиженію цѣли, и если на немъ одномъ онъ сосредоточитъ свое вниманіе, о немъ только будетъ заботиться, онъ остановится на полудорогѣ, измѣнитъ своему назначенію и не достигнетъ того, къ чему долженъ стремиться. „Слогъ, имѣющій въ виду нравиться однимъ наружнымъ краснорѣчіемъ (замѣчаетъ блаж. Августинъ), не долженъ быть употребляемъ самъ для себя; напротивъ, его надобно употреблять только для того, чтобы онъ своею пріятностію выраженія нѣсколько легче возбуждалъ, и крѣпче удерживалъ мысль и чувство слушателя на тѣхъ предметахъ, которые излагаются съ пользою и достоинствомъ... Пусть главную заботу свою полагаютъ въ томъ, чтобы говорить рѣчью красивою, избранною, свѣтскіе ораторы, любящіе тщеславиться искусствомъ и обработанностію стиля, и желающіе только нравиться слушателямъ. А мы, христіанскіе наставники, должны замѣнить эту цѣль другою, болѣе существенною, цѣлію, и имѣть первѣе всего въ виду возбужденіе въ слушателяхъ любви къ благонравію и отвращенія отъ худой нравственности... Красотою слога мы будемъ пользоваться не для хвастовства, а по благоразумію; не будемъ довольствоваться тѣмъ, чтобы только нравиться слушателю; но будемъ употреблять красивую рѣчь, какъ вспомогательное средство къ убѣжденію въ истинно благомъ“ ²⁾.

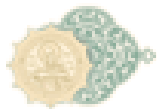
¹⁾ Христіанская наука, кн. IV, гл. VIII.

²⁾ Христіанская наука, кн. IV, гл. LV.

Такъ же, какъ блаж. Августинъ, оцѣниваетъ значеніе внѣшняго краснорѣія и св. Григорій Двоесловъ. „Надобно и нравиться пасомымъ (говоритъ онъ въ своемъ *Пастырскомъ правилѣ*), только не изъ самолюбія,—но для того, чтобы своею любезностію поддерживать въ нихъ любовь къ истинѣ, не для того только, чтобы услаждаться ихъ любовію, но для того, чтобы любовь ихъ сдѣлать путемъ, чрезъ который сердца слушателей можно привести къ любви Создателя. Ибо едва ли охотно будутъ слушать того проповѣдника, который не умѣетъ слушателей расположить къ себѣ. Такимъ образомъ пастырь и не долженъ пренебрегать любовію пасомыхъ, если хочетъ, чтобы его слушали, и не долженъ заискивать ея для себя лично, если не хочетъ оказаться на дѣлѣ измѣнникомъ и похитителемъ правъ Того, которому видимо служить“. По смыслу этихъ словъ святаго отца, желательно, чтобы слово проповѣдника имѣло и внѣшнія достоинства. Проповѣднику ничѣмъ не нужно пренебрегать, чтобы довести святую истину до сердца слушателей и возбудить ихъ волю къ благочестію. Но дурно, если проповѣдникъ будетъ стараться больше нравиться, чѣмъ учить. „Тогда самолюбіе сдѣлаетъ весь трудъ его совершенно напраснымъ для Бога. Ибо тотъ врагъ Искупителя, кто добивается, хотя бы и хорошими средствами, быть любимымъ церковію, вмѣсто Него. Это было бы то же самое, какъ если бы какой-нибудь отрокъ, чрезъ котораго женихъ пересылаетъ подарки къ своей невѣстѣ, вздумалъ предательски привлечь къ себѣ ея сердце и обольстить ее. Проповѣдникъ перестаетъ быть служителемъ истины, когда онъ слишкомъ увлекается желаніемъ нравиться людямъ“ ¹⁾.

Внѣшнее краснорѣчіе, не составляющее перваго и главнаго условія дѣйственности слова и въ свѣтскомъ ораторствѣ,

¹⁾ Regula pastoralis, lib. II, c. VIII. Patrologiae cursus completus, t. LXXVІІ, col. 43.

въ проповѣди имѣть еще меньшую значимость, и здѣсь меньше чувствуется потребность прибѣгать къ внѣшнимъ средствамъ, усиливающимъ дѣйственность слова. Свѣтскій ораторъ не имѣетъ предъ слушателями такого авторитета, какимъ, въ силу своего призванія, облеченъ церковный проповѣдникъ, и интересы, имъ защищаемые, не могутъ идти въ сравненіе съ тѣми высокими предметами, о какихъ долженъ говорить проповѣдникъ. Оратору свѣтскому встѣдствіе этого становится нужнымъ возбуждать вниманіе слушателей, усиленнымъ образомъ дѣйствуя на ихъ чувство, чему способствуетъ внѣшнее искусство слова и ораторскаго дѣйствованія. А проповѣдникъ говоритъ не самъ отъ себя, а по уполномочію отъ Церкви Божіей, и предлагаетъ не свое слово, но слово Божіе. Божественный авторитетъ слова и ученія, имъ разясняемаго, придаетъ ему особенную силу, безъ всякихъ побочныхъ средствъ, направленныхъ къ увеличенію дѣйственности слова. Присоедините къ этому высоту истины христіанской, раскрываемой въ проповѣди, глубину и духовность вдохновеній, какими руководится проповѣдникъ, важность цѣли, какую онъ имѣетъ въ виду,—спасеніе людей. Все это, взятое вмѣстѣ, освобождаетъ проповѣдника отъ излишней заботы о внѣшней сторонѣ слова. При условіяхъ, нами указанныхъ, внѣшнее краснорѣчіе или, по Апостолу, *препрѣтельныя слова челоувѣческой премудрости* (1 Кор. II, 4) не такъ важны и нужны въ проповѣди, какъ въ свѣтскомъ ораторствѣ. Сила слова сама собою возникаетъ здѣсь отъ того источника, изъ котораго черпаетъ свое содержаніе проповѣдь.

Между тѣмъ увлеченіе блесками внѣшняго краснорѣчія часто замѣчается въ христіанскомъ обществѣ и по отношенію къ проповѣдному слову, и оно сопровождается неблагоприятными практическими слѣдствіями. При немъ слушатели обращаютъ вниманіе не на то, о чемъ говоритъ проповѣдникъ, и къ чему направляетъ свое слово, а на то, какъ онъ говорить; они хотятъ и требуютъ услажденія слуха, забывая о

томъ, что проповѣдь не это должна имѣть въ виду, а ихъ нравственное благо и спасеніе. Ихъ мысль, такъ сказать, скользить по поверхности слова, и не проникаетъ внутрь, цѣнить скорлупу, а не то полезное ядро, которое предлагается въ этой скорлупѣ. И проповѣдники перѣдко поддаются дѣйствію этихъ увлеченій, и вмѣсто существенныхъ цѣлей, имъ лежащихъ, преслѣдуютъ цѣль побочную, второстепенную. Это замѣтно было даже въ классическій вѣкъ церковнаго краснорѣчія, когда на церковной кафедрѣ раздавалось сильное слово Златоуста, Василія Великаго и Григорія Богослова. Въ то время у грековъ слишкомъ было развито риторическое художественное чувство, и свѣтскіе ораторы-софисты стремились удовлетворять этому чувству. Они выступали съ рѣчами, не имѣющими практическаго значенія, и въ этихъ рѣчахъ разсыпали цвѣты краснорѣчія, которыми думали услаждать и услаждали души слушателей, нажившихъ потребность эстетическаго наслажденія художественною и изысканною рѣчью. Проповѣдники имѣли предъ собою слушателей съ изнѣженнымъ вкусомъ, избалованныхъ свѣтскими риторами; и въ церкви эти слушатели хотѣли такого же ласканія слуха, какое получали въ свѣтскихъ аудиторіяхъ. Видя это, многіе изъ проповѣдниковъ болѣе думали о доставленіи удовольствія слушателямъ, чѣмъ объ ихъ спасеніи, на что жалуются отцы, стоявшіе во главѣ церковнаго общества. Св. Григорій Богословъ въ одномъ словѣ заявляетъ, что многіе идутъ въ церковь на проповѣдь потому, что „надѣются насытити слухъ и получить удовольствіе“ ¹⁾. И св. Іоаннъ Златоустъ равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ: „не для пользы, а для забавы очень многіе слушаютъ проповѣдника, подобно тѣмъ, которые сидятъ и судятъ о трагическихъ поэтахъ или игрокахъ на цитрѣ“ ²⁾.

¹⁾ Св. Григорія Богослова слово 7-е. Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. I, стр. 241.

²⁾ Св. Іоанна Златоуста слово о священствѣ V, гл. I.

Св. Григорій Богословъ о себѣ говоритъ, что онъ „не изъ числа краснослововъ, похищающихъ благосклонность ласкательствомъ“, но въ то же время глубоко сожалѣетъ о томъ, что между проповѣдниками „много способныхъ къ этому ласкательству... Эти люди и наше благочестіе, которое просто и чуждо искусственности, обратили въ искусственное и въ какой-то новый родъ упражненія, перенесенный съ торжищъ во святилище и съ зрѣлищъ въ недоступное взорамъ многихъ тайноводство“¹⁾. Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бесѣдѣ на Дѣянія Апостольскія со скорбію и горечью жалуется на то, что „многіе слишкомъ заботятся о томъ, чтобы, ставши на средину, держать длинную рѣчь, и если они получаютъ рукоплесканія отъ толпы, то для нихъ это все равно, какъ будто они получили царство. Это совершенно извратило порядокъ церковный, что вы не ищете слова, способнаго произвести угрызеніе совѣсти, а ищете такого слова, которое бы могло доставить вамъ наслажденіе и звукомъ и сочетаніемъ реченій, совершенно такъ, какъ вы идете слушать пѣвцовъ или игроковъ на цитрѣ. И мы такъ равнодушно и недостойно поступаемъ, что слѣдуемъ вашимъ прихотливымъ желаніямъ вмѣсто того, чтобы искоренять ихъ. Мы гоняемся за изяществомъ слова, заботимся о стройности и гармоніи языка для того, чтобы вамъ нравиться, а не для того, чтобы принести вамъ пользу,—для того, чтобы заслужить у васъ удивленіе, а не для того, чтобы доставить вамъ назиданіе,—для того, чтобы съ рукоплесканіями и похвалами уйти отсюда, а не для того, чтобы содѣйствовать исправленію нравовъ“²⁾.

Противъ увлеченія внѣшнимъ краснорѣчіемъ мы встрѣчаемъ строгое обличеніе еще въ древности у пророка. Еще

¹⁾ Св. Григорія Богослова слово 36-е о себѣ самомъ. Твор. св. отецъ въ русскомъ переводѣ, т. III, стр. 201.

²⁾ S. Ioannis Chrysostomi in Acta apostol. hom XXX. Patrologiae cursus completus T. LX, col. 225—6.

въ ветхозавѣтныя времена пророки должны были ратовать противъ такого направленія въ народѣ, при которомъ онъ искалъ въ словѣ пророка-проповѣдника не пользы, не назиданія себѣ, а простаго усажденія слуха. *О тебѣ, сынъ человѣческій* (читаемъ мы у пророка Іезекііля), *сыны народа твоего разговариваютъ у стѣнъ и въ дверяхъ домовъ, и говорятъ одинъ другому, братъ брату: пойдите, и послушайте, какое слово вышло отъ Господа. И они приходятъ къ тебѣ, какъ на народное сходбище, и садится предъ лицемъ твоимъ народъ Мой, и слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ; ибо они въ устахъ своихъ дѣлаютъ изъ этого забаву, сердце ихъ увлекается за корыстію ихъ. И вотъ ты для нихъ, какъ забавный пѣвецъ съ пріятнымъ голосомъ, и хорошо играющій; они слушаютъ слова твои, но не исполняютъ ихъ* (Іез. XXXIII, 30—32).

Важнѣе внѣшней формы въ проповѣди внутренняя сторона или содержаніе, въ ней предлагаемая и раскрываемая, и ей слѣдуетъ придавать больше значенія, чѣмъ внѣшнему стилистическому совершенству, и на нее должно обращать больше вниманія, чѣмъ на сторону внѣшнюю. Такое требованіе, вытекающее изъ основныхъ законовъ краснорѣчія, выставялъ на видъ проповѣдникамъ первый христіанскій писатель, прилагавшій къ церковному краснорѣчію то, что свѣтскіе риторы узаконяли по отношенію къ ораторству вообще. Онъ требуетъ отъ проповѣдника первѣе всего рѣчи полезной или мудрой, а потомъ, если возможно, и краснорѣчивой. „Къ званію проповѣдническому (говоритъ онъ) скорѣе способенъ тотъ, кто можетъ разсуждать и говорить мудро, хотя бы и не могъ говорить краснорѣчиво; ибо такой можетъ быть истинно полезнымъ для слушающихъ, хотя и не столько, сколько бы пользовалъ ихъ, если бы обладалъ вмѣстѣ и даромъ краснорѣчія... Риторы признавались, что если мудрость безъ краснорѣчія мало доставляетъ пользы

государствамъ, то краснорѣчіе безъ мудрости часто приноситъ великій вредъ, пользы напротивъ никогда не приноситъ¹⁾. Слѣдовательно, если по внушенію одной простой истины принуждены были сдѣлать такое признаніе люди, кои сами изложили правила краснорѣчія, и сдѣлали это въ тѣмъ самыхъ сочиненіяхъ, кои они писали о краснорѣчіи,—еще не зная мудрости истинной, свыше нисходящей отъ Отца свѣтовъ; то какъ же намъ, чадамъ и служителямъ сей мудрости, не мыслить иначе и благоразумнѣе о достоинствѣ краснорѣчія“²⁾?

По отношенію къ этой части ораторскаго служенія,—соблюденію надлежащаго достоинства внутренней стороны или содержанія слова, церковный ораторъ поставленъ, съ одной стороны, въ болѣе благопріятныя условія, въ сравненіи съ ораторомъ свѣтскимъ, но, съ другой стороны, онъ встрѣчаетъ здѣсь такія затрудненія, какія не существуютъ для оратора свѣтскаго.

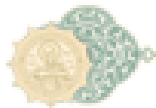
Благопріятныя условія состоятъ въ томъ, что проповѣднику даны и указаны высокіе предметы, о какихъ, по званію своему, онъ долженъ говорить съ народомъ. Свѣтскому оратору приходится говорить о предметахъ житейскаго свойства, которые по своему значенію не могутъ равняться съ предметами, подлежащими обсужденію на церковной кафедрѣ: внѣшняя юридическая правда, внѣшнее благополучіе человѣка или общества—вотъ та цѣль, которой онъ старается достигнуть силою своего слова. Проповѣдникъ свое слово посвящаетъ защитѣ и разъясненію интересовъ вѣчныхъ: не къ временному благополучію, а къ вѣчному спасенію онъ долженъ вести народъ, его слушающій. Онъ хочетъ устроить на землѣ правду высшую, небесную; путемъ добродѣтели онъ хочетъ вести своихъ слушателей къ наслѣдію благъ вѣчныхъ, къ

¹⁾ Cicero de inventione. Lib. I, pag. 25, 55

²⁾ Христ. наука. Кн. IV, гл. 7.

достиженію царства небеснаго. Раскрывая и внідряя въ умы и сердца людей ученіе о спасеніи, онъ выполняетъ повелѣніе, данное Господомъ Іисусомъ Христомъ, приходившимъ съ неба для совершенія домостроительства нашего спасенія, и является въ полномочіи посланника Божія, зовущаго своихъ братій съ пути погибельнаго на путь правый, ведущій къ блаженству, и слово его является отраженіемъ или отголоскомъ слова божественнаго. Ораторство въ христіанствѣ получаетъ высшую миссію, какой оно не имѣло въ древніе вѣка, во времена Димосоеновъ и Цицероновъ, и слово проповѣдника, исполняющаго эту миссію, является словомъ внушительнымъ и святымъ по тому предмету, который оно раскрываетъ, по той цѣли, какой оно служить, и по тому источнику, изъ котораго беретъ оно свое содержаніе. *Слушаяй васъ Мене слушаетъ* (Лук. X, 16), говорилъ Господь Іисусъ Христосъ семидесяти апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь по разнымъ городамъ и мѣстамъ, и это слово Спасителя имѣетъ приложеніе ко всѣмъ проповѣдникамъ, продолжающимъ то дѣло, которое во время земной жизни своей Господь поручилъ Апостоламъ. Въ силу этого рѣчь проповѣдника, и при всей простотѣ и безыскусственности, способна вызывать вниманіе къ себѣ у всѣхъ, вѣрующихъ въ Господа, и по этой вѣрѣ чтущихъ посланныхъ отъ Него и совершающихъ повелѣнное отъ Него.

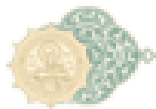
При высотѣ и важности предмета, обсуждаемаго въ церковной проповѣди, и святости цѣли, стоящей въ виду у проповѣдника, затрудненія для него возникаютъ изъ того, что этотъ предметъ стоитъ передъ нимъ во всей необъятной широтѣ своего содержанія; онъ не можетъ разомъ охватить его во всей цѣлости. При этомъ ему угрожаетъ опасность касаться его поверхностно и говорить общими мѣстами, въ практическомъ отношеніи мало дѣйственными. У свѣтскаго оратора почти всегда въ виду частный случай, вызывающій его на служеніе слова. Онъ говоритъ по поводу какого либо

опредѣленнаго обстоятельства, увлекающаго вниманіе его и его слушателей. У него видимый врагъ, на котораго онъ нападаетъ, или близкій кліентъ, котораго онъ старается защитить. Предъ нимъ ясно поставлена частная цѣль, и къ ней прямо направляется его слово. Въ виду этой цѣли, прямо стоящей предъ его глазами, онъ далекъ отъ опасности уклониться въ сторону рбщихъ мѣстъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ живой дѣйствительности. Самое дѣло, которымъ вызывается его слово, заставляетъ его или даетъ ему возможность говорить практично. У проповѣдника болѣею частію нѣтъ такой частной, ясно указанной, цѣли. Рѣдко какое либо жизненное обстоятельство ставитъ предъ нимъ опредѣленную задачу, указывающую прямое направленіе его слову. Нѣтъ у него въ наличіи врага, нѣтъ и кліента въ качествѣ опредѣленнаго лица. Того и другого ему нужно искать и указывать слушателямъ, и искать и указывать въ сердцѣ самихъ слушателей. Этимъ врагомъ, съ которымъ онъ борется, служить грѣхъ, гнѣздящійся въ мертвенномъ тѣлѣ нашемъ, часто не видимый и не сознаваемый нами; а кліентомъ является добродѣтель или тотъ святой законъ, который ведетъ насъ ко спасенію, существующій болѣе въ идеѣ, чѣмъ въ дѣйствительной жизни,—наше спасеніе или вѣчное блаженство, которое намъ указано, какъ конечная цѣль нашей жизни, и которымъ мы часто такъ легкомысленно пренебрегаемъ. Изъ широкой области предметовъ, стоящихъ предъ его умственнымъ взоромъ,—притомъ по своему идеальному характеру прямо не видимыхъ и не осязаемыхъ въ реальной дѣйствительности,—онъ самъ долженъ выбирать такой или иной вопросъ, ставить такую или иную частную цѣль, руководствуясь своими соображеніями, и эта цѣль можетъ ставиться произвольно и не мѣтко, безъ соотвѣтствія съ потребностями среды, слушающей проповѣдника, или ей даютъ такіе широкіе размѣры, что теряется или дѣлается

затруднительною ея практическая пригодность и приложимость. Отсюда проповѣдники часто довольствуются общими мыслями и предлагают рѣчи, хотя вѣрныя и святыя по своему содержанію, но по своему отвлеченному содержанію приложимыя ко всѣмъ, и ни къ кому въ частности. Такія рѣчи обыкновенно скользятъ по поверхности душъ слушателей, но не западаютъ въ сердце и разсѣиваются въ воздухѣ, не производя требуемаго дѣйствія. Мало сказать: не грѣшите, или будьте благочестивы, подобное чему нерѣдко служить содержаніемъ проповѣдей. Этому доброму общему уроку нужно дать опредѣленную форму, — нужно вести его въ направленіи, прямо отвѣчающемъ обстоятельствамъ времени, настроенію и потребностямъ слушателей. Отсюда отъ проповѣдника требуется особенное стараніе и особенное умѣнье, чтобы излагаемому имъ слову спасенія дать жизненную силу, и изъ сферы отвлеченной перевести въ область практическую. Въ этомъ отношеніи ему предстоятъ большія трудности, чѣмъ оратору свѣтскому.

Но проповѣдникъ не выполнилъ еще всего своего дѣла, если онъ въ своей рѣчи хорошо и основательно раскрылъ ту или другую часть святой христіанской истины, и ученію о спасеніи умѣлъ дать болѣе или менѣе практическое направленіе, въ сознаніи потребности своихъ слушателей. Ученіе христіанское хорошо раскрывается въ учебникахъ и разныхъ теоретическихъ сочиненіяхъ. Книга, нынѣ распространенная даже въ сельскихъ закоулкахъ, можетъ передавать и передаетъ народу то, что нужно знать объ ученіи Христовѣ и объ условіяхъ нашего спасенія. Но мертвая книга не можетъ давать того, что ожидается отъ живаго слова проповѣдника... При множествѣ книгъ и сочиненій, посвященныхъ уясненію христіанскаго ученія о спасеніи, всегда и всюду чувствуется потребность въ живомъ ораторскомъ или проповѣдномъ словѣ. Это живое слово, произносимое съ

церковной каедры, должно дать святой истинѣ, въ немъ раскрываемой, теплоту и силу. Эта истина въ книгѣ лежитъ, такъ сказать, неподвижно. Проповѣдникъ-ораторъ беретъ ее изъ мертвой книги, оживляетъ ее своимъ дыханіемъ и даетъ ей движеніе, и она, имъ направляемая, находитъ путь къ сердцамъ слушателей и дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ болѣе проповѣдникъ вноситъ своей душевной силы и энергіи на оживленіе истины, служащей предметомъ его словъ. Нужно, значить, не только сознать истину; но нужно проповѣднику почувствовать ее, воспринять ее и переработать въ лабораторіи своего сердца, и уже почувствованную, сдѣлавшуюся достояніемъ его души, передать ее другимъ, и въ этомъ случаѣ само собою выльется изъ устъ проповѣдника слово сердечное, такое слово, которое будетъ способно жечь умы и сердца людей. А безъ этого будутъ раздаваться съ церковной каедры слова, пожалуй, умныя и разсудительныя, но сухія и холодныя, отъ которыхъ не возгорится искра, тлѣющая въ душахъ слушателей, и они не будутъ тронуты холоднымъ разсужденіемъ проповѣдника. „Не похвала или самая худшая похвала проповѣди—сказать, что это умное произведеніе (повторимъ мы слова Жибера). Если въ этомъ умномъ произведеніи нѣтъ того, что исходитъ отъ сердца,—огня, жизни, чувства, чего не можетъ дать никакой умъ, то оно мѣдь звенящая... Кто не умѣетъ чувствовать, тотъ никогда не будетъ хорошо проповѣдывать“¹⁾).

Гдѣ найти и указать средства для того, чтобы проповѣдникъ съ энергіею и огнемъ могъ возвѣщать народу святое ученіе о спасеніи? Главное, если не единственное, средство къ этому—нравственное христіанское воспитаніе чловѣка, глубокая преданность души тому, что внушалъ намъ

¹⁾ L'eloquence chretienne dans l'idée et dans la pratique, par le p. B. Gisbert, chap. V, 21, p. 75.

небесный Учитель, и полное проникновение ея божественною истиною, которую мы должны сообщать слушателямъ. Воспитайте въ себѣ духъ Христовъ, согрѣвайте свое сердце благочестивымъ размышленіемъ о глубинѣ нашего паденія, о гибели, намъ угрожающей, въ случаѣ нашего неисправленія,— о величій любви Божіей къ намъ, готовой исторгнуть насъ изъ бездны погибели, куда часто бессознательно влечемся мы, и изливающей на насъ неизреченныя милости и щедроты,—воодушевитесь любовію къ братьямъ своимъ, которыхъ вы призваны обращать на путь спасенія. Тогда у васъ откроется неизсякаемый источникъ, откуда, безъ особеннаго напряженія съ вашей стороны, потечетъ обильное и сильное слово, которое способно будетъ смягчать и побѣждать упорство и ожесточеніе людей.

В. Пѣвницкій.

(Продолженіе будетъ).